

Александр Чаковский

С Е Н – Ж Ю С Т

К 150-летию Французской буржуазной революции 1789 г.

«Октябрь». 1939. № 7. С.161-169

Веб-публикация: редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#); Юрий Карякин, редактор сайта [Великая французская революция, 2003](#)
Орфография оригинала сохранена. Примечания и ссылки, выделенные шрифтом, даны ред. [Vive Liberta](#)

Жизнь этого человека подобна вспышке магния: она ослепительна и кратковременна. Он появился в Париже, когда ему было двадцать четыре года. Проходят недели — и имя его известно всей стране, всей армии, оно становится символом революционной непримиримости и беспощадности, предметом дикой, зоологической ненависти международной контрреволюции.

По существу, только три года жил этот человек. Но зато какие три года! Они совпадают с самым трагическим периодом революции — якобинской диктатурой.

Буржуазные историки часто умаляют роль Сен-Жюста, считают его и Робеспьера за одно целое, точнее, изображают Сен-Жюста, как меч якобинского диктатора.

Конечно, в этом есть доля истины. Недаром во время революции утверждали, что за гневным взглядом Робеспьера следует гильотина Сен-Жюста. Но только доля истины!

Ибо факты говорят и о другом. Они свидетельствуют об огромном, правда скрытом (Робеспьер не терпел подчинения), влиянии Сен-Жюста на «Неподкупного». Это очень важный момент, ибо он многое дополняет к образу Сен-Жюста.

В своих «Мемуарах» Левассер говорит: «Робеспьера всегда считали главою революционного правительства, что касается меня, видевшего вблизи события эпохи, то я утверждаю, что Сен-Жюст был более крупной фигурой. Сен-Жюст был необходим Робеспьеру, ибо он его, быть может, больше боялся, чем любил. Их мнения всегда совпадала, а если являлось необходимым, чтобы один уступал другому, — уступить, без сомнения, приходилось Робеспьеру».

На несколько примеров идейной зависимости Робеспьера от Сен-Жюста указывает и Флери. Так, например, в своих «Фрагментах» Сен-Жюст дает ясный проект прогрессивного налога. Вскоре после этого Робеспьер также вносит предложение о прогрессивном налоге. В своем отрывке «Об обществе» Сен-Жюст пишет: «Животные одной и той же породы, никогда не вооружалась друг против друга. Народы же вооружаются друг против друга. Объединенный народ является политической силой против завоеваний. Социальное положение — это взаимоотношения между людьми, политическое положение — это взаимоотношения между народами. Не люди воюют между собой, а государства». Примерно также же принципы положены в основу обвинения Робеспьера против жирондистов.

Наконец, в «Фрагментах» Сен-Жюст говорит: «Восстание, когда это необходимо, неотъемлемое право народа и гражданина». Робеспьер в «Коде нации» пишет: «Восстание - наиболее святая обязанность».

Во времена революции говорили, что у Сен-Жюста холодная голова и горячее сердце. Неугасаемая жажда справедливости, страстная любовь к человечеству всегда жили в его суровой душе. Сен-Жюст был буржуазным революционером. Сен-Жюст заблуждался, ошибки и пороки вождей якобинской диктатуры были свойственны ему. Но он был честен и до последней капли крови предан народу — это качество дорого нам. Он не щадил себя, когда речь шла о благе революции и родины — это качество дорого нам. Он не знал пощады и милосердия к врагам народа — и это качество дорого нам.

Меньше всего ставим мы своей целью, в этом очерке — рассказ о событиях периода якобинской диктатуры, как ни интересны они сами по себе. Не ставим мы также своей задачей и последовательное изложение биографии Сен-Жюста. Лишь отдельные, наиболее острые моменты его жизни занимают нас в данном случае.

Сто пятьдесят лет отделяют нас от Французской буржуазной революции.

«С горы видишь мир иным, чем с равнины, и опять иным с ледников», — любил говорить Гете.

Александр Чаковский

С вершин социализма мы обращаем свой взор в прошлое, и имя Сен-Жюста, записанное на одной из самых величественных страниц истории, не может не вызывать у нас сочувствия и уважения.

Vive Liberta и Век Просвещения

Великая французская революция, 2003

25 августа 1767 года, в Десизе, у Людовика Жана Сен-Жюста де Ришбург, кавалера королевского и военного ордена св. Людовика, капитана артиллерии, и его жены — дочери нотариуса — родился сын, названный Антуаном-Луи-Леоном.

До десяти лет Антуан живет в Десизе, сельской местности, в маленьком, низком одноэтажном домике, на узкой улице, уходящей в поле. Сад позади дома да берег ручья — вот излюбленные места прогулок Антуана.

Мальчик сдержан, неразговорчив, не по летам серьезен. Лишь изредка обращается он к родителям с просьбой объяснить то или иное явление, подмеченное им в жизни. Чаще всего это относится к быту крестьян, изнемогающих под феодальным гнетом, и чаще всего ответы, которые дают мальчику родители, односложны: — Так надо.

Сен-Жюст учится в коллеже св. Николая. Много читает. Писатели, под влиянием которых складывалось обычно мировоззрение молодежи того времени, увлекают и Антуана. Произведения Монтэня, Рабле, Тацита — его любимые книги, а идеи Монтескье и Жан-Жака Руссо он ощущает как свои собственные.

В год окончания Антуаном коллежа в Париже вспыхивает революция. К этому времени Сен-Жюст уже приобретает некоторую известность среди жителей Суассона. Правда, он не сделал еще ничего выдающегося, пока это всего лишь скромный, сдержанный, необычайно красивый молодой человек, хороший оратор. Но уже в это время сказывается одно из самых отличительных свойств Сен-Жюста: двадцатилетний юноша обладает исключительной способностью воздействия на окружающих его людей.

Его авторитет в коллеже не подлежал никакому сомнению. Казалось, Сен-Жюст обладает силой внушения. Своих сверстников он поражал своей огромной страстью, искренностью убеждения. Он всегда верил в то, что говорил. И эта вера как бы передавалась его собеседникам.

Пристально следит Сен-Жюст за событиями, развивающимися в Париже. Внимательно читает речи Мирабо и Сиеса, зачитывается «Чувствами республиканцев» Кондорсе и «Свободной Францией» Камилла Демулена.

В это время в Суассоне организуется Национальная гвардия, и Сен-Жюст, известный своими симпатиями к революции, становится во главе отряда.

Необходимо упомянуть еще об одной склонности Сен-Жюста — литературной. Еще в детстве он пишет стихи, часто декламирует, записывает свои мысли и впечатления, а в 1789 году публикует большую поэму «Орган».

Это своеобразная историческая поэма. Тема ее — война Карла Великого против саксонцев. Но за исторической завесой мы видим, как подготавливает Сен-Жюст сокрушительную атаку на современную церковь, а под гримом Карла Великого нетрудно узнать Людовика XVI.

19 августа 1790 года. Двадцатидвухлетний Сен-Жюст пишет восторженное письмо в Париж, Максимилиану Робеспьеру. Письмо кладет начало горячей и трагической дружбе этих знаменитых людей. История не сохранила сведений об ответе Робеспьера, но во всяком случае, Сен-Жюст знал, что его послание получило хороший прием. В этом же году Сен-Жюст посещает Париж, присутствует на заседаниях Якобинского клуба и возвращается ярым приверженцем якобинского движения.

В 1790 году группа членов Национального собрания в Париже выпускает памфлет, направленный против декрета о свободе совести, Через несколько дней по инициативе Сен-Жюста собирается Блеранкурский муниципалитет. Депутаты выражают негодование авторам памфлета. После этого совершается ритуал: брошюру разрывают на куски и бросают в огонь, зажженный на треножнике.

Тогда на середину зала медленно выходит Сен-Жюст. На нем мундир офицера Национальной гвардии, голова его гордо закинута назад. Он останавливается у треножника, протягивает руку и, почти касаясь пламени, произносит торжественную клятву умереть за отечество и революцию.

14 июля 1791 года, в день праздника Федерации, Сен-Жюст, во главе своего отряда Национальной гвардии, является в Париж.

Первый визит — к Робеспьеру.

В маленькой, тесной комнатке, увешанной портретами великих римлян, встречает будущий диктатор своего будущего соратника. Они беседуют всю ночь. Сжато, деловито рисует Робеспьер Сен-Жюсту политическую ситуацию. Много говорит о жирондистах — партии крупной буржуазии, называет их предателями, изменниками делу народа.

Лишь под утро расстанутся эти двое людей, которым предстояло вместе прожить два бурных года и вместе взойти на гильотину.

1792 год. Уже несколько месяцев, как свергнута королевская власть, но еще жив заключенный в Тампле король — знамя контрреволюции. Во имя этого заключенного плетут свои интриги эмигранты при иностранных дворах; ведет свою подпольную деятельность духовенство; во имя его, Людовика XVI, стягивается вокруг Франции железное кольцо австро-пруссских интервентов.

Тогда еще никто не знал, что король был к тому же шпионом, что он зовет во Францию интервентов. Еще никому не было доподлинно известно, что в то самое время, как Людовик XVI громогласно объявил войну Австрии, его секретный агент, Малле дю Пан, спешил с особыми инструкциями к австрийскому и прусскому императорам.

Но подозрение уже жило в народе. Само бегство короля в Варенн заставляло предполагать сношения Людовика с иностранными дворами.

1 октября уже не оставалось никаких сомнений в этом вопросе. И депутация от комитета надзора Парижской Коммуны, — явившаяся в Конвент с документами, обнаруженными при обыске в одном из дворцовых помещений, документами, прямо уличающими короля в тайных сношениях с иностранными государствами, — потребовала суда над королем.

Конвент колеблется. Несмотря на все улики, прямые и косвенные, он еще не решается судить короля, дискутирует о конституционном понятии неприкосновенности короля.

Но тем не менее левые партии взяли верх, и 13 ноября 1792 года депутат от Энского департамента — Антуан-Леон Сен-Жюст входит в числе семисот пятидесяти членов Конвента в зал заседаний, чтобы решить вопрос о короле.

Слабое пламя свечей едва освещает сводчатый зал, огромную скрижаль с текстом конституции позади председательского стола и грозные эмблемы — дикторские пучки розог и топоры, украшающие стены.

Спокойным, полным достоинства шагом, с гордо закинутой головой проходит Сен-Жюст в тесный амфитеатр, занимает одно из верхних, примыкающих непосредственно к галлерее, мест. Впереди — члены Конвента. Позади — народ, зрители, заполнившие галлерею. В восемь часов утра председатель Петион ставит вопрос: может ли король подлежать суду? В наступившей тишине первым берет слово депутат правой — Моррисон. Он отстаивает принцип неприкосновенности, неподсудности короля:

— Если бы 10 августа, в день взятия Тюильри народом, я увидел короля с кинжалом, покрытым кровью моих братьев; если бы я положительно убедился в тот день, что приказ об избиении граждан был отдан им, то я бы сам поразил его насмерть.

Но прошло уже несколько месяцев со времени этих ужасных сцен. Теперь он всецело в нашей власти, он безоружен, лишен средств защиты, а мы — французы; этого достаточно для нас, чтобы заглушить в душе жажду мести и повиноваться, голосу разума. И что же! Разум естественно ведет нас под сень закона. Я уже сказал и повторяю еще раз: закон нем по отношению к королю. Мы не имеем права его судить!

Моррисон садится.

Молчит Конвент. Пытливо всматривается в лица депутатов Сен-Жюст. Обладающий поразительным даром интуиции, он читает сочувствие Моррисону на лицах депутатов духовенства и буржуазии, видит, как чуть заметно, согласно покачивают головами Ролан и Кондорсе.

Молчит Конвент. Чувствуется, что Моррисон выразил мнение влиятельной части присутствующих здесь людей. Молчит Конвент, снова сомнения и колебания овладевают депутатами, лишь на верхних скамьях, на Горе, среди соседей Сен-Жюста слышатся заглушенные выкрики.

Тогда депутат Энского департамента просит слова.

Он стоит перед Конвентом, полторы тысячи глаз устремлены на него, многие видят впервые этого спокойного, холодного человека с трехцветной депутатской лентой на груди.

Несколько секунд Сен-Жюст молчит. Светлые, неподвижно-прозрачные глаза его устремлены в пространство, длинные мягкие волосы падают на низкий лоб.

Он говорит. И сразу наполняет своды Конвента резкий, так контрастирующий с его внешностью, сухой голос:

— Я намерен доказать, что король подлежит суду, что мнение Моррисона, который отстаивает неприкосновенность, и мнение Комитета законодательства, который предлагает судить короля как гражданина, одинаково неправильны...

Слова его — точные, холодные, жестокие, сухие.

Читая его последующие речи, мы убеждаемся в том, что эти свойства всегда характеризуют его выступления. Точность, холодная математическая последовательность — прежде всего. Его выступления всегда открыты, всегда недвусмысленны. Ему чужды дипломатические туманные обороты речи, его слова отточены, чтобы разить без пощады.

Он стоит на трибуне, неподвижно его лицо, неподвижен взгляд, кажется, он ничего не видит, не замечает даже, как довольно улыбается, сидящий теперь напротив него, маленький, тщедушный Максимилиан Робеспьер, щуря в лорнет свои и без того маленькие глаза.

— Короля должно судить на основе принципов, не имеющих ничего общего ни с тем, ни с другим взглядом, — продолжает свою речь Сен-Жюст. — Короля надо судить как врага. Не судить, но уничтожить предстоит нам его. Когда-нибудь люди, столь же далекие от наших предрассудков, как мы от предрассудков вандалов, изумятся варварству того века, когда суд над тираном был каким-то священнодействием, когда народ, прежде чем судить тирана за его преступления, возвел его в сан гражданина. Они изумятся тому, что в XVIII веке проявлялось больше отсталости, чем во времена Цезаря. Тогда тиран был умерщвлен в полном присутствии сената, без всяких других формальностей, кроме двадцати двух ударов кинжала!

Народ! Если король будет оправдан, помни, что мы недостойны более твоего доверия.

Приветственные крики левых заглушают его последние слова...

Сен-Жюст! Холодный, фанатически преданный делу революции Сен-Жюст! Сколько грязи вылила контрреволюция на это имя.

Его называли извергом, а он был мягкосердечен, его называли развратником, а он был целомудрен, его обвиняли в склонности к диктатуре, а он был поборником народного суверенитета.

В 1791 году Сен-Жюст опубликовал книгу «Дух революции и конституции Франции». В книге этой, написанной в тот период, когда страна упивалась победой революции, будущий член Комитета общественного спасения отстаивал мысль о том, что конституция, хорошие законы — лучшие средства для достижения блага

В эпитафии к книге этой, написанной под влиянием Руссо, Сен-Жюст поместил следующие слова Монтескье: «Если бы я мог сделать так, чтобы все люди обрели необходимость любить свою родину, свои законы и тем самым лучше ощущать свое благополучие — я был бы счастливейшим из смертных». Идея нравственности, точнее, добродетели — вот основное в книге Сен-Жюста. Сам автор нигде не дает четкого объяснения этому понятию.

Он дает лишь противоположное ему определение — «господство страстей и эгоизма».

Маркс и Энгельс пишут, что, «по мысли Робеспьера и Сен-Жюста, свобода, справедливость, добродетель представляют собой... только жизненные проявления «народа» и только свойства «народной сущности». Робеспьер и Сен-Жюст в самых ясных выражениях говорят об античной, присущей только «народной сущности», «свободе, справедливости, добродетели». Спартанцы, афиняне, римляне в эпоху своего величия — «свободные, справедливые, добродетельные народы».

Наконец, Сен-Жюст характеризует «свободу, справедливость, добродетель», которых он добивается, одним коротким выражением: «Que les hommes revolutionnaires soient des Remains».¹

«Робеспьер, Сен-Жюст и их партия погибли потому, — резюмируют Маркс и Энгельс, — что они смешали античный реалистически-демократический общественный порядок, который покоился на основе действительного рабства, с новейшим спиритуалистически-демократическим представительным государством, которое покоится на эмансипированном рабстве, на буржуазном обществе».

В своей книге Сен-Жюст пишет, что законы, способствующие торжеству добродетели, должны прежде всего предполагать людей добрыми, а не злыми. Исходя из этого, Сен-Жюст, имя которого через несколько месяцев стало символом гильотины, нападет на Руссо, допускающего смертную казнь.

«Несмотря на все мое глубочайшее уважение к авторитету Жан-Жака Руссо, — пишет Сен-Жюст, — я никогда не прощу тебе, великий человек, оправдание смертной казни».

Но развитие революции, измена короля, цепь контрреволюционных заговоров привели его к мысли о том, что бывают моменты, когда обычные законы, обеспечивающие царство добродетели, становятся недостаточными, и что тогда добродетель должна защищаться силой.

Именно отсюда растет Сен-Жюст, такой, каким запечатлела его история.

«В начале революции раздавались, голоса, призывающие к мягкости в отношении к ее врагам, — говорит в одной из речей Сен-Жюст, — эта мягкость, приведшая к прощению нескольких виновных, стоила жизни двумстам тысячам человек, погибших в Вандее эта мягкость привела нас к необходимости разрушения городов, она подвергла родину опасности полной гибели ее, и если мы и теперь допустим подобную слабость, то каждый день таковой обойдется в тридцать лет гражданской войны...»

...Но вернемся к заседанию Конвента. Левые приветственными криками покрыли заключительные слова речи Сен-Жюста. С заседания Конвента Робеспьер и Сен-Жюст уходят вместе. Многие с восхищением, многие с затаенной ненавистью наблюдают торжественный выход этих двух людей — маленького, подвижного, бледного, тонкогубого человека, с овальным лицом, очень высоким открытым лбом, во фраке со стоячим воротником и большими пуговицами; и высокого, спокойного, холодно-надменного, внешне бесстрастного депутата департамента Эн.

Вскоре Национальный Конвент признает необходимым пополнить Комитет общественного спасения. Одним из первых туда вводится Сен-Жюст. Именно этому Комитету поручается работа по составлению конституции. Сен-Жюст становится в центре всей деятельности Комитета. Он — непререкаемый докладчик в Конvente по вопросам борьбы с контрреволюцией, обычно ему поручает Комитет выступления о контрреволюционной деятельности жирондистов, изгнанных 2 июля из состава Конвента.

В октябре 1793 года из Рейнской армии, отражающей натиск австро-прусской интервенции, начинают поступать тревожные сведения. Рапорты командиров, донесения секретных агентов Конвента полны указаниями на плохое снабжение армии обмундированием и боеприпасами. Каждое последующее донесение командующих — тревожнее предыдущих, учащаются случаи дезертирства, проникновения шпионов в армию революции.

И Конвент командирует Сен-Жюста и его друга Леба в армию, в качестве своих чрезвычайных комиссаров. Вскоре двадцатипятилетний комиссар Конвента прибывает в район боевых действий,

Человека в широкополой шляпе, какие редко носили в то время, со свободно завязанным галстуком, в сапогах с отворотами, видят в различных пунктах фронта. Холодный, спокойный, замкнутый, надменный в обращении с офицерством, особенно высшим, он запросто беседует с солдатами. На другой день по прибытии на фронт он выпускает воззвание:

«Солдатам Рейнской армии!

Мы приехали, и мы клянемся именем армии, что враг будет побежден. Если здесь есть изменники или безразличные к делу народа, наш меч их настигнет.

Солдаты! Мы приехали отомстить за вас и дать вам вождей, которые поведут вас к победе. Мы решили вознаградить заслуги и преследовать все преступления, кто бы их ни совершил.

Мужайся, храбрая армия Рейна! Отныне ты будешь счастлива и победишь именем Свободы!

Приказано всем начальникам, офицерам, правительственным агентам: в течение 3-х дней удовлетворить все справедливые требования солдат. После этого срока мы сами приступим к рассмотрению этих жалоб и дадим такой пример справедливости и строгости, которого армия еще не знала».

Затем следует один за другим приказы Сен-Жюста, резкие, лаконичные, ясные, как и его речи.

«...Приказываю буржуазии Страсбурга внести 9 миллионов в течение 24-х часов...»

«...Приказываю муниципальным чиновникам в 12 часов доставить обувь на 9 тысяч солдат и в 24 часа две тысячи кроватей в госпитали...»

«...Приказываю в 24 часа арестовать всех бывших аристократов...»

Он поставил своей целью воодушевить армию, создать железную дисциплину, наказать виновных.

В несколько дней он составил себе ясное представление о болезнях армии, и взгляда его уже нельзя было изменить. Никто и ничто не может поколебать его решения. Он видит перед собой только цель.

Итак, главное — поднять дисциплину. Он запрещает кому бы то ни было покидать лагерь без разрешения, подписанного генералом, и под ответственность последнего. Предписывает генералам жить в лагерях, не пользоваться никаким комфортом, если он недоступен солдатам.

Сначала этот приказ был принят высшим офицерством с нескрываемой иронией. Затем генералы решили просто не обращать на него внимания. Они попрежнему жили отдельно от солдат и покидали лагерь, когда им вздумается.

Но приказ, последовавший через день после первого, показал, что Сен-Жюст менее чем кто-либо расположен шутить.

«Представители народа прирейнской армии уведомят, что 5-го настоящего месяца несколько офицеров были задержаны в Страсбургском театре комедии. Среди них находился генерал Пердье, служащий в авангарде; принимая во внимание, что пока Пердье был в комедии, авангард был атакован, а также то, что дисциплина, запрещающая выход из лагерей, одинакова и для солдат и для командиров, и что командиры, которые должны подавать пример, оказались настолько подлыми, чтоб посещать театр, когда враг у дверей города, — считать, что подобные начальники не достойны командовать французами».

Казалось, что Сен-Жюст не нуждается в сне. Ночью его всегда можно было видеть на ногах. Как-то во время обхода Сен-Жюст обнаружил, что один офицер, друг его детства, вопреки приказу, лег спать раздетым.

Он немедленно вызвал офицера к себе. Тепло встретились друзья детства, разлученные уже много лет. С фанатической страстью всю ночь говорит Сен-Жюст офицеру о революции, о неизбежных жертвах, о необходимости железной дисциплины. Утром он под конвоем отправляет своего друга в трибунал.

В декабре французы выигрывают битву при Гейсберге. Австрийскому генералу, явившемуся с предложением о перемирии, Сен-Жюст надменно заявляет:

— Французы Республики получают от врага и возвращают ему только свинец!

В феврале член Комитета общественного спасения, депутат и чрезвычайный комиссар Конвента Сен-Жюст возвращается в Париж.

Его возвращение было для группы Робеспьера более чем своевременным. Якобинцам предстояла борьба на два фронта; Дантон и стоящая за ним новая буржуазия и эбертисты — вот два реальных препятствия на пути якобинцев.

22 февраля 1794 года на заседании Конвента депутаты Тайфер и Бриар выступают с сообщением о незаконных действиях некоторых членов революционных комитетов провинции. Депутаты с возмущением говорят о незаконных арестах и явных злоупотреблениях властью.

Многие члены Конвента недоуменно слушают эти выступления. Многим еще не ясно, откуда дует ветер.

Тогда Сен-Жюст зачитывает свой доклад Конвенту. Он требует немедленного освобождения незаконно арестованных патриотов, прекращения злоупотреблений, и внезапно, без всякого внешнего перехода, резко, молниеносно обрушивается на тех, кто требует вообще прекращения террора, имея в виду дантонистов. Докладчик убеждает Конвент в том, что террор необходим, что смешно, безумие быть мягкосердечными, когда враги Франции во много раз более жестоки, что Республика не может отказаться от террора, если она не хочет потом расплачиваться тройне. Свою речь Сен-Жюст заканчивает предложением издать декрет, по которому имущество, конфискованное у врагов Франции, поступает на улучшение благосостояния патриотов.

И Конвент соглашается с докладчиком. Довольно улыбается Робеспьер. Сегодня речью Сен-Жюста партия добилась двух результатов: сделана серьезная попытка привлечь к себе народные массы, то есть тех, на кого пытались опереться эбертисты, и нанесен серьезный удар дантонистам. Пройдет немного времени, и последует второй, сокрушительный удар, направленный непосредственно против Дантона.

...С обвинением Дантона выступает Сен-Жюст. Его речь выдержана в античном духе, в стиле выступлений Цицерона против Катилины.

...С этого времени гильотина начинает свою неустанную работу. Дни и ночи заседает Комитет общественного спасения, имя Сен-Жюста становится одним из самых популярных имен Франции.

Анатоль Франс вкладывает герою своего романа «Боги жаждут», Эваристу Гамелену, следующие слова, которые могли бы быть и словами Сен-Жюста: «Довольно? Когда еще остались изменники и заговорщики? Какому преступному состраданию уступала Франция, ее следовало спасти вопреки ее воле, не обращать внимания на ее крики о пощаде, заткнуть себе уши и разить. Увы, судьба решила, что отечество будет проклинать своих спасителей. Пусть она проклянет нас, но да будет оно спасено! Дитя! Я свиреп для того, чтобы ты был счастлив. Я жесток, чтобы ты завтра мог быть добр. Я безжалостен для того, чтобы завтра все французы могли обняться, проливая радостные слезы».

На заседании Конвента все депутаты, не входящие в партию якобинцев, да и многие члены этой партии, с ужасом следят за поднимающимся на трибуну Сен-Жюстом. Каждый со страхом ожидает, что Сен-Жюст сейчас назовет его имя, что уже означало собою гильотину. Рассказывают, что еще задолго до 9 термидора один из депутатов, чувствовавший, что в будущем его ожидает смерть, крикнул сходящему с трибуны Сен-Жюсту:

— Что ты несешь свою голову, как святые дары?

Медленно повернулся в сторону депутата Сен-Жюст, и в наступившей тишине прозвучал его ответ:

— А ты понесешь свою голову, как святой Дионисий.²

В начале 1794 года Сен-Жюста, опять в качестве чрезвычайного комиссара Конвента, направляют в Северную армию. И здесь он остается верным своей тактике: строгость, личный пример, забота о солдатах.

Он объезжает передовые линии фронта, занимается вопросом снабжения порохом, мукой, постелями для госпиталей, указывает, в каком порядке реквизировать скот.

В приказе от 12 плювиоза Сен-Жюст пишет:

«Представители народа, уведомленные, что Пьер-Луи-Жозеф Сюэр из Дистрикта Вервен ради защиты родины, оставил жену и двух детей без поддержки, приказывают выдать им из кассы армии Севера шестьсот ливров».

Прютену, комиссару армии Севера, допустившему перебои в снабжении, Сен-Жюст пишет:

«Что можно думать о человеке, который мог оставить Аркскую дивизию без пропитания в течение 4-х дней? Этот человек — ты. Мы наведем дополнительные справки о твоём поведении, и если ты окажешься виновным, то понесешь суровое наказание»

Дивизионный комиссар Клебер докладывает Сен-Жюсту, что Вьенский батальон постыдно бежал перед лицом врага

Сен-Жюст издает приказ:

«Принимая во внимание, что подобное преступление не может быть отнесено к целому батальону, потому что в сердцах французов живет храбрость и ненависть к тиранам, а также и то, что когда воинская часть покидает поле битвы, то причина кроется в подлости офицеров, в недостатке дисциплины и в неумении внушить солдатам любовь к славе и к родине, — приказываю: разжаловать и арестовать командиров и всех капитанов 2-го Вьенского батальона...»

В мае Комитет общественного спасения просит Сен-Жюста прибыть в Париж для участия в заседаниях Комитета.

И вот здесь возникает цепь весьма важных я вместе с тем странных, на первый взгляд, обстоятельств, уже отмеченных историками.

Вызов комиссара Конвента с фронта в момент наиболее вероятного наступления врага заставляет предполагать наличие каких-то важных вопросов, для разрешения которых присутствие Сен-Жюста было необходимо. Но то, что кажется логически естественным, опровергается на практике; тщетно будем мы перелистывать протоколы заседаний Комитета общественного спасения, мы не найдем там ничего такого, для чего потребовалось бы присутствие Сен-Жюста. Более того, как раз в этот период вообще не происходило сколько-нибудь важных событий.

Только семь дней пробыл Сен-Жюст в Париже. Затем он снова выехал на фронт.

Сен-Жюст покинул Париж вечером, за день до праздника в честь Высшего существа — этой новой религии Робеспьера и за три дня до издания знаменитого прериальского декрета об усилении и расширении террора.

Не в сопоставлении ли этих обстоятельств объяснение столь поспешного отъезда Сен-Жюста? Имеются все основания предполагать, что Сен-Жюст одним из первых понял невозможность, вредность дальнейшего расширения террора, и, что, будучи вызванным Робеспьером для консультации, именно в этом пункте разошелся с Робеспьером.

Это подтверждается еще и тем обстоятельством, что через несколько дней после казни дантонистов Сен-Жюст выступил в Конвенте с докладом, в заключительной части которого он, наряду с требованием усиления террора по отношению к контрреволюции, призывал к упорядочению суда и государственного контроля, к ограничению права реквизиций.

И наконец, близкий друг Сен-Жюста, Тюиллье, в своем частном письме говорит: «Я был свидетелем его (то есть Сен-Жюста) возмущения при чтении закона 22 прериала».

Вскоре после казни эбертистов и дантонистов Сен-Жюст писал: «Революция стоит на точке замерзания; все принципы ослабляются... Практика террора так же притупила наше отношение к преступлению, как крепкие ликеры притупляют вкус. Без сомнения, еще не настало время делать добро. Отдельные проявления добра, которые делаются, являются только паллиативом. Необходимо ждать всеобщего зла, достаточно широкого, чтобы общественное мнение испытало потребность в мерах, способных делать добро». Так же думал Сен-Жюст и в отношении экономической политики: высказываясь в принципе против системы бумажных денег и твердых цен, он считал необходимым временное их сохранение. «Я советую, — писал он, — всем тем, кто желает добра, подождать благоприятного момента, чтобы его делать, чтобы избежать славы получения его преждевременно». И тот же Сен-Жюст рисовал мрачный образ революционера-террориста, «вынужденного изолироваться от мира и от самого себя, бросающего якорь в будущее, ускоряющего в своем сердце наступление будущего, неповинного в бедствиях настоящего».

Опубликовывая прериальский декрет, Робеспьер, естественно, меньше всего думал, что он обратится против него самого, против всей его политики.

И когда это стало очевидным, вождь якобинцев впал в какое-то смятение, сменившееся трансом, апатией. Ему стало ясным, что политика, проводимая им, зашла в тупик, и, что самое главное, он не в силах справиться со сложностью стоящих перед революцией задач.

Изданием декрета он хотел, сконцентрировав террор, одним ударом покончить с врагами, и эта ошибка была роковой.

Даже среди членов Комитета общественного спасения Робеспьер обрел оппозицию.

Ряд членов комитета (Бильо-Варен, Колло д'Эрбуа) почти открыто фрондировали против Робеспьера.

8 термидора, в ночь на 9-е, Сен-Жюст направляется в клуб якобинцев. Ему ясно, что дни якобинцев сочтены, однако он считает, что падение якобинцев будет означать поражение революции. И он решает принять все меры, чтобы спасти революцию. Из клуба якобинцев, где в страстных спорах соревнуются Робеспьер, Давид, Леба и Кутон, он направляется в Тюильри, на объединенное заседание Комитетов общественного спасения и общественной безопасности. Только одну цель преследует Сен-Жюст: он надеется, что страх перед его именем, перед ним самим еще настолько велик у врагов революции, что в его присутствии заговорщики будут бояться что-либо предпринимать.

Один, без охраны, без оружия, отправляется он на заседание комитетов, смело садится среди людей, из которых каждый с удовольствием всадил бы ему нож в спину.

Молчание. Расчет оказался верен: его присутствие внесло растерянность в ряды заговорщиков. Замешательство длится продолжительное время. Никто не решается говорить, предполагая, что Сен-Жюст случайно попал на это заседание и скоро уйдет. Но молчаливый, неподвижный, как изваяние, холодный в надменный, Сен-Жюст сидит и не собирается

В это время появляется д'Эрбуа, изгнанный из клуба якобинцев.

Тогда Сен-Жюст произносит свои первые слова.

— Что нового в клубе? — с ядовитой насмешкой бросает он пришедшему.

— Что нового?! — в ярости кричит д'Эрбуа, — что нового? Ты меня еще об этом спрашиваешь? Ты, который заодно с диктаторами. Ты — подлец и изменник. Это ты нас обманываешь своим лицемерным видом. Ты шпионишь за нами! Я убедился, что вы, трое подлецов, хотите веста нас вслепую к гибели родины. Но свобода переживет ваши темные деяния.

Эта тирада нарушает заговор молчания. Со всех сторон несутся крики, многие грозят Сен-Жюсту кулаками.

— Долой триумvirат жуликов, — кричит Лакост. — Робеспьер, Кутон и Сен-Жюст в заговоре против родины!

Попрежнему холоден и невозмутим Сен-Жюст. Лишь после того как подскочивший к нему д'Эрбуа кричит: «У тебя в карманах, я уверен в этом, декреты против нас!», Сен-Жюст выходит к трибуне и резким движением выворачивает пустые карманы.

Так заканчивается заседание. Никто не решается арестовать Сен-Жюста. Спокойный, бесстрастный, удаляется он с заседания.

В пять часов утра закончилось это заседание, а в одиннадцать посланный Сен-Жюста приносит в Комитет общественного спасения записку — несколько резких, многозначительных слов:

«Несправедливость закрыла мое сердце, я его целиком открою перед Национальным Конвентом. Сен-Жюст.»

И действительно, в тот же день, своим обычным, спокойным, уверенным, полным достоинства шагом Сен-Жюст поднимается на трибуну Конвента. Он стоит в своем парадном костюме, собирается начать чтение своей речи.

Но в это время в зале раздается крик:

— Сен-Жюст на трибуне, с этим нужно покончить!

И так же, как на заседании комитетов, этот выкрик рождает бурю других.

Робеспьер хочет говорить. Ему не дают даже раскрыть рта.

И вот перед Робеспьером в Сен-Жюстом разверзается пропасть. Один за другим выступают депутаты, нет слов презрения и ненависти, которые не были бы произнесены по адресу недавних кумиров.

Наконец, Тальен, вносит предложение арестовать Робеспьера, который сбыв раньше в Комитете общественного спасения защитником угнетенных, был раньше на своем посту, но в течение четырех последних декад оставил его, и при этом тогда, когда Северная армия вызвала у всех его коллег живое беспокойство. Он оставил свой пост, чтобы клеветать на Конвент».

...В течение всего этого времени Сен-Жюст неподвижно стоит на трибуне. Лишь когда Конвент постановляет арестовать Робеспьера, его младшего брата, Сен-Жюста, Кутона и Леба, он сходит вниз, серьезный в задумчивый.

Когда их вели в Комитет общественного спасения, Сен-Жюст был попрежнему молчалив и задумчив. Только одну фразу произнес он по прибытии в зал заседаний. Указывая на огромный текст Декларации прав человека и гражданина, он тихо сказал: «Ведь это создал я».³

В три часа дня арестованные предстали перед трибуналом:

«...Ты — Робеспьер, ты — Сен-Жюст, ты — Кутон?» — начал допрос председатель.

10 термидора их везли на казнь. Сен-Жюст стоял в первой телеге. Его руки связаны за спиной, шея оголена, но голова, как всегда, гордо закинута назад.

Он не сказал ни слова и тогда, когда перед ним, сверкая на солнце, показался нож гильотины.

1. Революционеры должны быть римлянами.

2. Св. Дионисий изображается несущим в собственную голову.

3. Маркс и Энгельс отмечают ошибку якобинцев, заключающуюся в том, что они, признавая и санкционируя в «Правах человека» современное буржуазное общество, т.е. общество промышленности, анархия, конкуренции и т.д., — в то же время аннулировали в лице отдельных индивидуумов жизненные проявления этого общества, желая построить его политическую верхушку по античному образцу. Маркс и Энгельс пишут: «Ошибка эта представляется трагической, когда Сен-Жюст, в день своей казни, указывая на висящую в зале Conciergerie большую надпись с Декларацией прав человека, с чувством гордости произносит: «Ведь это создал я». Именно эта надпись провозглашала право человека, который может быть человеком древней общественности настолько же мало, насколько его народнохозяйственные и промышленные отношения мало похожи на античные отношения.

В нашей библиотеке и на других электронных ресурсах:

О Сен-Жюсте см.: http://vive-liberta.narod.ru/fantasm/SJ/sj_ind.htm

В том числе

Н.Чупрун. Сен-Жюст и вантозские декреты

В сб. «Из истории якобинской диктатуры (1793-1794 гг.)». Одесса, 1962. Текст в формате pdf: 1, 2, 3

М.Филимонова. Сен-Жюст как архетип революционера в европейской культуре

Т.Черноверская. О значении речи "О продовольствии" в эволюции мировоззрения Сен-Жюста

М.-А.Шармело. Сен-Жюст, или шевалье Органт. Перевод с франц. *Урзовой Екатерины*

Сен-Жюст. Робеспьер. Сийес - главы из «Жизни и деяний мужей, прославившихся во Франции со времени Революции до нынешнего года...»

По страницам романа *А.Левандовского* «Кавалер Сен-Жюст»

Дж.Б.Мортон. Сен-Жюст и Анриетта Леба (из книги *Morton J.B. Camille Desmoulins and other studies*)

Марта. Образ Сен-Жюста в художественной литературе

«Помню городок провинциальный...» (о поездке в Блеранкур, на родину Сен-Жюста)

О ремесле и об искусстве, об интеграции и дифференциации, и за что Сен-Жюст не любит XIX век

Луи Дезире Верон - о Барере и Барер - о Робеспьере и Сен-Жюсте («Воспоминания парижского буржуа»)

А.Сен-Жюст. Речь в защиту Робеспьера, не законченная 9 термидора II года (в новой редакции *Т.Черноверской*)

О М.Робеспьере: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>

О К.Демулене: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#cdem>

Александр Борисович Чаковский: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#chakov>